

Научная статья
УДК: 343.13

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Варсеник Артуровна Виноградова

Северо-Кавказский Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация,
varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Аннотация. Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой важный элемент в системе уголовного судопроизводства, обеспечивая баланс между необходимостью защиты прав граждан и интересами общества в целом. Однако их применение не всегда осуществляется эффективно, что в свою очередь может приводить к серьезным правовым последствиям. Тенденция к укреплению институтов, регулирующих общественные отношения в сфере уголовно-процессуального принуждения, позволяет нам сформулировать вопрос о возможности прогнозирования дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Ключевые слова уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, подозреваемый, обвиняемый, тенденция

Для цитирования: Виноградова, В. А. Меры уголовно-процессуального принуждения в контексте развития уголовно-процессуального законодательства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 36. № 4. С. 19–31.

MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE COERCION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Varsenik A. Vinogradova

North Caucasus Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation, varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Abstract: Measures of criminal procedural coercion are an important element in the system of criminal proceedings, ensuring a balance between the need to protect the rights of citizens and the interests of society as a whole. However, their application is not always effective, which can lead to serious legal consequences. The trend towards strengthening the institutions that regulate public relations in the field of criminal procedural coercion allows us to formulate the question of whether it is possible to predict the further development of criminal procedural legislation in this area.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedural coercion, preventive measures, suspect, accused, trend

For citation: Vinogradova V.A. Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v kontekste razvitiya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Measures of criminal procedural coercion in the context of the development of criminal procedure legislation]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025, vol. 36, no. 4, pp. 19–31 (in Russ.).

Введение

В теории уголовного процесса пристальное внимание со стороны исследователей уделяется мерам уголовно-процессуального принуждения. Данный феномен является обязательным компонентом уголовного судопроизводства, которое по своему назначению и правовой природе просто не может не быть принудительным. Уголовно-процессуальная деятельность, в зависимости от стадии движения уголовного дела, конкретных решаемых задач насыщена принуждением в том или ином объеме. Только опираясь на гибкую и разнообразную систему принудительных мер, применяемых по отдельности или комбинированно, уголовное судопроизводство способно реализовать свое назначение в обществе и государстве, т. е. защитить права и законные интересы граждан и юридических лиц, потерпевших от преступлений, защитить личность от незаконного обвинения и осуждения (ст. 6 УПК РФ).

В текущий момент предельно ясно, что уголовно-процессуальное право, регулируя общественные отношения, возникающие в результате совершения преступления, особенно остро испытывает необходимость в использовании принуждения. И уже сравнительно давно не только не обсуждаются, но даже формально не обозначаются перспективы сужения сферы уголовно-процессуального принуждения, которое, напротив, стало восприниматься и применяться как превентивная мера предупреждения предполагаемых нарушений

со стороны подозреваемого, обвиняемого [1, с. 86-89]. Более 90 процентов решений суда об избрании меры пресечения касается заключения под стражу. Не имеют широкого распространения, за исключением подписки о невыезде, другие меры пресечения, не связанные с лишением свободы [2, с. 4].

В определенных случаях сроки применения мер процессуального принуждения, ограничивающего свободу передвижения подозреваемого, обвиняемого, лишающего их свободы, измеряются не только месяцами, но и годами. В законе предусмотрен, например, зачет в срок отбывания наказания времени содержания под стражей в связи с избранием в отношении подозреваемого, обвиняемого одноименной меры пресечения. Причем согласно п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ при зачете времени содержания под стражей в следственном изоляторе в срок отбывания лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима применяется повышающий коэффициент из расчета один день пребывания в изоляторе за полтора дня отбывания наказания в колонии общего режима [3, с. 32-37]. Если отвлечься от арифметических подсчетов, какой срок предстоит отбывать наказание осужденному с учетом его возвращения и содержания под стражей в СИЗО в порядке исполнения избранной в отношении него меры пресечения, то у большинства здравомыслящих людей, узнавших о подобных правилах соотношения меры

уголовно-процессуального принуждения и наказания, связанных с лишением свободы уголовно-преследуемого лица, невольно возникает резонный вопрос: почему мера пресечения, применяемая в досудебном и судебном производствах к лицу, причастность которого к преступлению еще надо доказать, оказывается иногда даже более жесткой по сравнению с назначенным наказанием в виде лишения свободы с отбыванием его в исправительной колонии общего режима?

Можно без преувеличения констатировать и утверждать: законодатель, судебная и исполнительная власть, ученые-юристы, общественные институты в государстве уделяют большое внимание совершенствованию отечественного законодательства. В рамках данного направления деятельности различных субъектов, не объединенных в монолитную структуру по принципу подчинения нижестоящего звена вышестоящему, выделяется по ряду существенных признаков законотворческая деятельность, предмет которой составляет уголовно-процессуальное регулирование.

Уголовное судопроизводство – это не просто один из видов деятельности группы государственных органов, реализующих специфическую, преимущественно внутреннюю функцию государства по поддержанию правопорядка с помощью специальных методов. Сущностные особенности этих методов проявляются в первую очередь в том, что они должны обладать не только познавательными, но и обязательными удостоверительными возможностями.

При этом познавательный потенциал средств (способов) уголовно-процессуального доказывания опирается на широкий спектр государственного принуждения. Последнее представляет разветвленную систему

взаимосвязанных и взаимозаменяемых принудительных мер, ограничивающих весь перечень прав, гарантированных гражданам Конституцией России. Наблюдается устойчивая тенденция расширения мер принуждения (например, 29.04.2018 г. в Российской Федерации введена в действие мера пресечения – запрет определенных действий – ст. 105.1 УПК РФ.), которая с трудом и не сразу «закрепилась» в следственно-судебной практике¹.

В силу динамичности общественных отношений, регулируемых нормами раздела 1V УПК РФ «Меры процессуального принуждения», приходится констатировать неустойчивость, подверженность спонтанным изменениям данного «отраслеобразующего» компонента уголовно-процессуального права, каким в настоящее время позиционируется собранный в главах 12–14 УПК РФ нормативный массив. Законодатель стремится к консолидации всех однородных предписаний по признаку их участия в процессе применения любых принудительных мер независимо от: процессуального статуса лиц, на которых они распространяются; этапа уголовного судопроизводства; вида принудительных мер; внесудебного или судебного порядка их применения. В результате указанной консолидации впервые в истории кодификации отечественного уголовно-процессуального законодательства предусмотренный им перечень принудительных мер систематизирован и распределен в трех самостоятельных главах (гл. 12–14 УПК

¹ Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. № 17. ст. 2421.

РФ). Тем самым осуществлена их классификация, критериями которой, скорее всего, послужили назначение и место меры принуждения в достижении целей уголовного судопроизводства. По этому критерию дифференцируются задержание лица по подозрению в совершении преступления (гл. 12 УПК РФ), меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ).

Подобная классификация мер процессуального принуждения характерна для «среднестатистического» уголовного дела, расследуемого в обычном порядке, без применения особых форм ведения уголовного судопроизводства. Отсюда возникает несколько вопросов методологического свойства в контексте определения действительной структуры уголовно-процессуального принуждения, которая в принципе дает основания рассматривать ее как систему институтов уголовно-процессуального права.

Напомним, что в теории уголовного процесса совокупность норм, адаптированных под потребности уголовного судопроизводства в части использования арсенала мер принуждения, чаще всего трактуется как институт или институты уголовно-процессуального права [4, с. 88-89]. В последние годы в процессуальной литературе, как отмечалось ранее, аргументируется и точка зрения, согласно которой нормативный массив, закрепленный в разделе IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», рассматривается как подотрасль уголовно-процессуального права [5, с. 68-75]. Данное направление для теории уголовно-процессуального принуждения представляется перспективным, поскольку отдельные принудительные меры имеют сложную, многоуровневую громоздкую правовую конструкцию,

которой становится «тесно» в рамках отдельно взятого процессуального института.

Так, в юридической литературе давно сложилось мнение о том, что нормы УПК РФ, регулирующие основания и порядок применения мер пресечения противоправного поведения подозреваемого или обвиняемого, образуют самостоятельный институт уголовно-процессуального права [6, с. 112].

Однако многочисленность мер пресечения, введение дополнительных гарантий законности и обоснованности их применения, судебный контроль за избранием мер пресечения, процесс исполнения, отмена или изменение меры пресечения, автоматическое прекращение действия меры пресечения придают данному правовому образованию новое качественное состояние. Предмет его регулирования становится разнообразнее, в нем постепенно формируются подгруппы общественных отношений, не теряя при этом зависимости от основного вида (рода) отношений, возникающих и развивающихся в связи с реализацией нормативных предписаний при принятии уполномоченными должностными лицами решения избрать в отношении уголовно-преследуемого лица меры пресечения.

Таким образом, нормативно-правовой комплекс, предусматривающий восемь мер пресечения, систему общих условий их применения, первоначальные и последующие сроки их действия, судебный контроль избрания отдельных мер пресечения, порядок судебного обжалования процессуальных актов об избрании меры пресечения, установленные законом дополнительные правила применения мер пресечения к отдельным категориям лиц и по некоторым видам преступлений – вот далеко не полная картина той части объема уголовно-

процессуального принуждения, которое сопровождает правовое образование «меры пресечения». Соответственно, появились юридико-формальные предпосылки для того, чтобы ставить вопрос о вызревании внутри УПК РФ относительно самостоятельного нормативного массива, по своей юридической форме явно выходящего за рамки правового института [7, с. 8-38].

Основная часть

Снова возвращаясь к нормативно-правовой структуре уголовно-процессуального принуждения, следует вспомнить и о том, что реальный объем уголовно-процессуального принуждения вряд ли корректно определять исключительно нормами раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения». В связи с этим возникает принципиальный вопрос: каково соотношение классических видов процессуального принуждения (главы 12–14 УПК РФ) с принуждением, являющимся неотъемлемым атрибутом следственного действия? Позиции здесь две. Согласно первой точке зрения, процессуальное принуждение не является составной частью следственного действия [10, с.37], представляет собой самостоятельное правовое явление, которое еще теоретически не исследовано [11, с.19]. Вторая – исходит из того, что отдельные следственные действия сами по себе носят принудительный характер, в законе оговаривается не только возможность принудительного воздействия на участников следственного действия [12, с. 25], но и условия его осуществления (например, ч. 6 ст. 182 УПК РФ разрешает принудительно вскрывать любые помещения в ходе производства обыска, но при этом предупреждает: не должны допускаться не вызываемые необходимостью повреждения имущества) [13, с 17.].

В последнее время фактически сформировалась еще одна позиция по вопросу о сущности принуждения, осуществляемого в связи с производством следственных действий. Принимая во внимание, что принуждение присуще не каждому следственному действию [14, с. 40-42], необходимость в нем возникает лишь при ненадлежащем исполнении участником следственного действия своих процессуальных обязанностей, сторонники указанного подхода рассматривают процессуальное принуждение, сопровождающее следственное действие, как самостоятельное явление [15, с.87-88]. Для нас это уточнение важно. Вместе с тем процессуальное принуждение, обеспечивающее производство следственных действий, находится и остается внутри уголовного процесса, не может быть оторвано от него и при понимании уголовно-процессуального принуждения в широком смысле, занимает в нем соответствующую нишу.

Мощным толчком к развитию теории уголовно-процессуального принуждения в конце 80-х годов прошлого века послужили научные труды профессора Игоря Леонидовича Петрухина, в которых детально исследовались проблемы свободы личности², неприкосновенности личности, в связи с применением мер уголовно-процессуального принуждения³.

В дальнейшем развитие вопросов применения уголовно-процессуального принуждения, в особенности, с принятием и введением в действие УПК РФ (2002 год), об-

² Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение : Общ. концепция. Неприкосновенность личности / - Москва : Наука, 1985. - 239 с.

³ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / АН СССР, Ин-т государства и права. Москва : Наука, 1989. 252 с.

суждалось на научно-практических конференциях, назовем лишь некоторые из них, состоявшиеся в 2022–2024 гг. и затронувшие более 100 направлений исследований феномена уголовно-процессуального принуждения:

1. Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального принуждения: вопросы теории и практики». Всероссийский круглый стол, посвященный 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (21 марта 2022 г.). Челябинск;

2. Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения. Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова (16 февраля 2024 г.). Омск, 2024⁴.

Показав в предыдущем изложении примерные параметры уголовно-процессуального принуждения, многоаспектность его проявления [16, с. 141], отметив тенденцию к укреплению институтов, аккумулирующих нормативный массив, регулирующий общественные отношения в сфере уголовно-процессуального принуждения, попытаемся поставить вопрос о возможности прогнозирования дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в этой части.

С принятием Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в

Российской Федерации» (далее ФЗ о стратегическом планировании), на законодательном уровне подтверждено, что прогнозирование вполне обоснованно считается одним из самых эффективных средств стратегического планирования основных сфер жизни нашего государства. В соответствии с ч. 3 ст. 1 ФЗ о стратегическом планировании определяет прогнозирование как «деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁵.

Одно из основных требований к прогнозированию – его научность. Поэтому интересно выяснить как работает и работает ли алгоритм научного прогнозирования направлений развития уголовно-процессуального законодательства. Налажено ли взаимодействие научных коллективов и как организованы научные исследования «под законодателя» с представлением ему законопроектов?

Каким исследованиям свойственны признаки юридического прогноза? Отвечая на этот сложный вопрос, можно пойти путем отнесения к категории прогностических материалов все исследования, в которых выявляются те или иные недостатки нашего законодательства и предлагаются наиболее оптимальные пути их устранения. В более узком их понимании корректно вести речь об исследованиях, результаты которых

⁴ Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального принуждения: вопросы теории и практики». Всероссийский круглый стол, посвященный 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (21 марта 2022 г.). Челябинск, 2022; Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова / пред. редкол. А.В. Павлов. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 264 с.

⁵ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). ст. 3378.

стали предметом публичного обсуждения законопроекта, когда их авторы либо члены рабочих групп высказывают мнение относительно целесообразности принятия законопроекта.

Значимость обсуждаемой проблемы можно проиллюстрировать следующим примером.

Гиперактивность законодателя в регулировании оснований и порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования) находит подтверждение в количестве федеральных законов, принятых в период действия УПК РФ (41 – в среднем 2 закона в год). В этих условиях возрастает значение своевременно и качественно разработанных проектных документов для законодателя. Научное сопровождение законопроектной работы осуществляется, в основном, на уровне диссертационных исследований. Ни один из более сорока принятых федеральных законов в сфере прекращения уголовных дел не был инициирован диссертационными советами. Пояснительные записки к законопроектам и сами проекты не регистрируются в установленном порядке законодательными органами. Тысячи подобных приложений к диссертациям, утяжеленные авторскими проектами, не имеющими какого-либо официального, публичного статуса, проектами законов не являются.

Эмпирическая их часть, как обязательный элемент доктринальных законопроектов, в среднем состоит из статистических данных, результатов изучения 200–300, реже до 500 судебных дел, сведений, полученных при опросах, анкетировании и интервьюировании 300–400 практических работников. Этого явно недостаточно для разработки полноценных проектных масштабных документов. Последние лежат мертвым грузом в архивах и библиотеках научно-

исследовательских институтов и образовательных организаций.

В контексте изложенного надлежит признать, что полностью отвечают признакам юридического прогноза Научных концепций развития Российского законодательства, именно концепции, разрабатываемые Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (в дальнейшем – ИЗиСП). Они включают и прогнозы развития уголовно-процессуального законодательства. Их накопилось около десятка, и сплошной анализ указанных доктринальных документов обещает быть чрезвычайно интересным. Однако подобный анализ не предусмотрен настоящей статьей, и мы ограничимся кратким рассмотрением научной концепции развития уголовно-процессуального законодательства России 2024 г. (далее – концепция 2024 ИЗиСП) по затрагиваемым в ней вопросам, связанным с применением уголовно-процессуального принуждения.

Обращение к тексту главы 23 концепции 2024 ИЗиСП показывает, что проблематика уголовно-процессуального принуждения не относится к числу мер приоритетных первостепенных задач научных исследований в области уголовного судопроизводства. Так, нельзя сказать и о том, что им совсем не уделено внимания или высказано формальное отношение к ним. Один из доктринальных выводов, заложенных в концепции 2024 ИЗиСП, сформулирован как целесообразность и необходимость расширения практики применения меры пресечения без изоляции от общества [17, с. 466].

Действительно, эта проблема всегда была и, видимо, надолго останется одной из «болевых точек» института мер пресечения [18, с. 8–27].

В концепции 2024 ИЗиСП, к сожалению, не предусмотрено общего или

хотя бы приблизительного плана переформатирования практики применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Тема уголовно-процессуального принуждения получила развитие в рамках установления специальной процессуальной формы производства или специального процессуального режима реагирования на преступления предпринимателей в сфере экономической деятельности. Он был закреплен серией федеральных законов, принятых в период с 2016 по 2023 гг.

Выводы и заключение

В настоящей статье не ставилась задача оценить корректность выбора законодателем выделения в УПК РФ своего рода особого производства по «экономическим уголовным делам». Данное решение законодателя свидетельствует о том, что государством проводится целенаправленная уголовно-процессуальная политика. В профессиональном юридическом сообществе нет сомнений в том, что введение на втором десятилетии действия УПК РФ относительно самостоятельного порядка процессуального реагирования дознавателя, следователя на преступления предпринимателей в связи с их экономической деятельностью стало политическим решением, принятым явно не в стенах законодательного учреждения.

Так, отмечая противоречивость современной уголовно-процессуальной политики в области избрания мер пресечения, В. В. Рудич пришел к следующему выводу: «Существует один стандарт применения мер пресечения для простых людей и общеуголовных преступлений, другой – для лиц, совершивших преступления террористической и экстремистской направленности, и, наконец, третий – для предпринимателей» [19, с. 371].

Позитивно воспринимая тенденцию совершенствования уголовно-процессуального законодательства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, П. Г. Сычев в качестве главной особенности процессуальной формы, установленной для производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных гл. 23 УК РФ, называет правило о возбуждении уголовного дела исключительно по заявлению руководителя коммерческой организации или с его согласия [20, с. 31-34]. Не менее важным в плане обеспечения реального действия процессуальных гарантий прав предпринимателей, недопущения неоправданного приостановления законной предпринимательской деятельности является правильное применение положений ч.1.1 ст. 108 УПК РФ, ограничивающей возможности заключения под стражу предпринимателей.

В 2022 г. ИЗиСП предпринял ряд инициатив для дальнейшего усовершенствования процессуального режима, применяемого при производстве по уголовным делам о преступлениях экономической направленности. Обзор соответствующих законо-

проектов⁶ показывает, что в них обсуждаются: минимизация рисков необоснованного уголовного преследования предпринимателей; обеспечение прав залогодержателей при осуществлении уголовного судопроизводства; изменение процессуального порядка заключения под стражу и сокращение сроков содержания под стражей в ходе предварительного расследования по уголовному делу о преступлении, совершенном предпринимателем [21, с. 471].

В структуре научных концепций ИЗиСП 2024 не принято выделять раздел, в котором содержался бы соответствующий прогноз или сценарий развития уголовно-процессуального законодательства на ближайшие 5–10 лет, квинтэссенция сведений как основы для планирования и прогнозирования будуще-

го российского УПК. О направлениях трансформации его институтов можно лишь догадываться по объему или удельному весу представленного в отраслевой концепции материала. Относительно проблематики «уголовно-процессуальное принуждение», если иметь в виду научную концепцию ИЗиСП 2024 г., можно сделать вывод, что она нацеливает исследователя и законодателя на продолжение теоретических разработок в поисках путей дальнейшей гуманизации института мер пресечения, повышения действенности процессуальных гарантий обеспечения прав предпринимателей с учетом нарастающих глобальных экономических вызовов и приоритетности стоящих перед государством вопросов, связанных с его экономической безопасностью.

Для теории уголовного процесса проблема научного прогнозирования является отложенной, малоисследованной и как метод научных исследований – редко применяемый. Это легко можно подтвердить анализом раздела «Методология и методика исследования» абсолютного большинства диссертаций, как кандидатских, так и докторских. В них крайне редко встречается указание на использование такого метода исследования как прогнозирование.

Надо признать, что прогнозирование в сравнении с другими методами исследования – мало освоенный познавательный инструмент. Его необходимо «извлечь из архива» и, познакомившись с опытом его практического применения, адаптировать для разработки сценариев совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в том числе нормативной основы уголовно-процессуального принуждения.

В заключение подчеркнем, что прогноз достигает своей цели, если он объективно связан с обществен-

⁶ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», подготовленный с учетом поручения Президента Российской Федерации от 14 июня 2022 г. № Пр-1050 и связанный с улучшением делового климата в условиях санкционного давления и минимизацией рисков необоснованного уголовного преследования предпринимателей; проект федерального закона «О внесении изменений в статью 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», разработанный Министерством юстиции Российской Федерации во исполнение п. 3 перечня поручений Президента Российской Федерации от 25 ноября 2020 г. № Пр-1939 по рассмотрению вопроса об обеспечении прав залогодержателей при осуществлении уголовного судопроизводства; проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», направленный на изменение процессуального порядка заключения под стражу и сокращение сроков содержания под стражей в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу о преступлении, совершенном предпринимателем.

ными отношениями, развитие которых прогнозируется, т. е. реалистичен. Наиболее эффективно прогноз проявляется в условиях межотрас-

левого правового регулирования, что характерно для уголовно-процессуального права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве : монография. Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
2. Замуруева, Е. Ю., Муравьев, К. В. Общие условия применения мер пресечения : монография. Москва. 2024. 168 с.
3. Бахта, А. С. Применение коэффициента кратности при зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 32–37.
4. Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 367 с.
5. Николюк, В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права : в сборнике: Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. Омск, 2024. С. 68–75.
6. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Омск : Ом. акад. МВД России, 2003. 320 с.
7. Лантух, Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов : монография / Санкт-Петербург, 2015. 156 с.
8. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого : конституционно-межотраслевой подход : [правовые основы задержания подозреваемого, цели задержания подозреваемого, основания задержания подозреваемого, протокол задержания подозреваемого, личный обыск подозреваемого] : монография / Москва : Проспект, 2019. 188 с.
9. Гришин, А. В., Семёнов, Е. А., Ветрова, О. А. и др. Уголовно-процессуальные аспекты задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления : учебно-практическое пособие. Москва : Юрлитинформ, 2019. 137 с.
10. Капину, Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09. – Москва, 2001. 547 с.
11. Писарев, А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Ом. акад. МВД России. – Омск, 2002. 22 с.
12. Семенцов, В. А. Следственные действия в досудебном производстве : общие положения теории и практики : монография / Федер. агентство по образованию, Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2006 С. 25.
13. Стельмах, В. Ю. Концептуальные основы следственных действий : монография / Москва : Юрлитинформ, 2017. 282 с.
14. Россинский, С. Б. Следственные действия. Москва : Норма, 2018. 238 с.
15. Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 367 с.

16. Пикалов, И. А. Становление института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (исторический аспект) – Москва : Юрлитинформ, 2010. 163 с.
17. Авхадеев, В. Р., Азарова, Е. Г., Андриченко, Л. В. и др. Научные концепции развития Российского законодательства : монография. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2024. – 656 с.
18. Цоколова, О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография. Москва : Всероссийский науч.-исследовательский ин-т МВД России, 2008. 308 с.
19. Рудич, В. В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09. Екатеринбург, 2020. 538 с.
20. Сычев, П. Г. О пределах дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 31-34.
21. Печегин, Д. А., Волошин, В. М. Глава 23. Уголовно-процессуальное законодательство Научные концепции развития российского законодательства : монография / Авхадеев В. Р., Азарова Е. Г., Андриченко, Л. В. и др. ; под ред. Хабриевой, Т. Я., Тихомирова, Ю. А. ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2024. 656 с.

REFERENCES

1. *Elkind, P. S. Celi i sredstva ih dostizheniya v sovetskom ugolovno-processual'nom prave* [Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedure Law]. Leningrad, Leningrad University Press; 1976, 143 p. (in Russian).
2. *Zamurueva, E. Yu, Muravyov, K. V. Obshchie usloviya primeneniya mer presecheniya* [General Conditions for the Application of Preventive Measures]. Moscow, 2024, 168 p. (in Russian).
3. *Bakhta, A.S. Primenenie koefficiente kratnosti pri zachete vremeni soderzhaniya pod strazhej v srok otbyvaniya nakazaniya* [Application of the multiplicity factor when counting the time of detention as the term of serving the sentence]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii - Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 2(77), pp. 32-37. (in Russian).
4. *Vershinina, S. I. Normativno-pravovaya sushchnost' ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya* [The Normative and Legal Essence of Criminal Procedure Coercion]. Moscow, 2017, 367 p. (in Russian).
5. *Nikolyuk, V. V. [Coercion Institutions in the Context of the Formation of Sub-Banches of Criminal Procedure Law]. Pravovye i gumanitarnye problemy ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya B. B. Bulatova* [Legal and Humanitarian Issues of Criminal Procedure Coercion Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of B.B. Bulatov]. Omsk, 2024, pp. 68-75. (in Russian).
6. *Bulatov, B.B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [State Coercion in Criminal Proceedings]. Omsk, 2003, 320 p. (in Russian).
7. *Lantukh, N.V. Teoriya ugolovno-processual'nyh institutov* [Theory of Criminal Procedure Institutions]. Saint Petersburg, 2015, 156 p. (in Russian).

8. *Rossinsky, S. B. Zaderzhanie podozrevaemogo : konstitucionno-mezhotraslevoj podhod : pravovye osnovy zaderzhaniya podozrevaemogo, celi zaderzhaniya podozrevaemogo, osnovaniya zaderzhaniya podozrevaemogo, protokol zaderzhaniya podozrevaemogo, lichnyj obysk podozrevaemogo* [Detention of a Suspect: A Constitutional and Intersectoral Approach: Legal Foundations of Detention of a Suspect, Purposes of Detention of a Suspect, Grounds for Detention of a Suspect, Protocol of Detention of a Suspect, and Personal Search of a Suspect]. Moscow, 2019, 188 p. (in Russian).

9. *Grishin, A. V., Semyonov, E. A., Vetrova, O. A., et al. Ugolovno-processual'nye aspekty zaderzhaniya lic, podozrevaemyh v sovershenii prestupleniya* [Criminal Procedure Aspects of Detaining Persons Suspected of Committing a Crime]. Moscow: Yurlitinform; 2019, 137 p. (in Russian).

10. *Kapinus, N.I. Processual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom processe. Dissertaciya ... doktora yuridicheskikh nauk* [Procedural Guarantees of Personal Rights in the Application of Preventive Measures in Criminal ProceedingsDoctor's thesis]. Moscow, 2001, 547 p. (in Russian).

11. *Pisarev, A.V. Proizvodstvo sledstvennyh dejstvij, ogranicivayushchih pravo grazhdan na lichnuyu neprikosnovennost'*....Avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk [Production of Investigative Actions Restricting the Right of Citizens to Personal Integrity....Extended abstract of candidate's thesis]. Omsk, 2002, 22 p. (in Russian).

12. *Sementsov, V.A. Sledstvennye dejstviya v dosudebnom proizvodstve : obshchie polozheniya teorii i praktiki* [Investigative actions in pre-trial proceedings : general provisions of theory and practice]. Yekaterinburg, 2006, 25 p.

13. *Stelmakh, V.Y. Konceptual'nye osnovy sledstvennyh dejstvij* [Conceptual foundations of investigative actions]. Moscow, 2017, 282 p. (in Russian).

14. *Rossinsky, S.B. Sledstvennye dejstviya* [Investigative Actions]. Moscow, 2018, 238 p.

15. *Vershinina, S. I. Normativno-pravovaya sushchnost' ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya* [The Normative and Legal Essence of Criminal Procedure Coercion]. Moscow, 2017, 367 p. (in Russian).

16. *Pikalov, I. A. Stanovlenie instituta mer processual'nogo prinuzhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii (istoricheskij aspekt)* [The Formation of the Institute of Procedural Coercion in Russian Criminal Procedure (Historical Aspect)]. Moscow, 2010, 163 p. (in Russian).

17. *Avkhaideev, V.R., Azarova, E.G., Andrichenko. L.V., et al. Nauchnye konsepcii razvitiya Rossijskogo zakonodatel'stva* [Scientific Concepts of the Development of Russian Legislation]. Moscow, 2024, 656 p. (in Russian).

18. *Tsokolova, O.I. Mery ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya, sostoyashchie v izolyacii podozrevaemogo, obvinyaemogo* [Measures of Criminal Procedure Coercion Consisting of the Isolation of a Suspect or Accused]. Monografiya -Monograph. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2008. 308 p. (in Russian).

19. *Rudich, V. V. Mekhanizm primeneniya mer presecheniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstvedissertaciya ... doktora yuridicheskikh nauk* [The Mechanism of Applying Preventive Measures in Russian Criminal ProceedingsDoctor's thesis.]. Yekaterinburg, 2020, 538 p. (in Russian).

20. *Sychev, P. G. O predelah differenciacii ugolovnogo sudoproizvodstva po ugolovnym delam o prestupleniyah v sfere ekonomiceskoy i predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [On the Limits of Differentiation of Criminal Proceedings in Criminal Cases on Economic and Business Crimes]. Rossijskaya yusticiya - Russian Justice. 2017, pp. 31-34. (in Russian).

21. *Pechegin, D.A., Voloshin, V.M. Glava 23. Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo Nauchnye konsepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva* [Chapter 23. Criminal Procedure Legislation Scientific Concepts of the Development of Russian Legislation]. Avkhaideev, V.R., Azarova, E.G., Andrichenko, L.V., et al. ; edited by Khabrieva, T.Ya., Tikhomiro, Yu.A. ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 8th edition, revised. and additional. Moscow: Norma, 2024, 656 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградова Варсеник Артуровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики. Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева. 350020, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Varsenik A. Vinogradova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics. North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 234, Krasnykh Partizan st., Krasnodar, Russian Federation, 350020.